Г.Б. Орланов

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

ОРЛАНОВ Георгий Борисович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии и управления социальными процессами Академии труда и социальной политики (e-mail: orlanov g.b.@yandex.ru)

Аннотация. *Рассматривается институт социального управления с точки зрения базовых оснований его функционирования в общественной системе. Выясняется связь социального управления с понятиями «социальный детерминизм», «законность», «социальная справедливость». Дается представление о современной парадигме социального управления.*

Ключевые слова: *социальное управление, социальный детерминизм, институты общественного договора, глобальное гражданское общество.*

Общество – сложная статистическая система, предусматривающая как всякая сложная статистическая система механизм управления, основанный на самоуправлении. Статистическая система не может управляться директивами некоей структуры, находящейся над системой, поскольку в этом случае разрушается само качество статистической системы, т. е. сама система перестает существовать. Поэтому фундаментальной проблемой общества всегда было и остается нахождение баланса между специализированным институтом социального управления в составе государственного управления и управления в организациях любого вида и институтом социального самоуправления, называемым на современном языке гражданским обществом.

Человечество уже с древних времен пытается этот баланс установить, придя к такой социально-организационной технологии, как демократия. Принцип демократии – не в том, чтобы людей «облагодетельствовать», а в том, чтобы устойчиво сохранять статистический (индивидуальной свободы) порядок в общественной системе. В этом и состоит высшая социальная справедливость – в самосохранении общества как пространства осуществления естественного права человека на индивидуальную свободу. Поэтому суть демократии – в выборности правительства, которое тем самым становится сменяемым, подконтрольным обществу, встроенным в механизм социального самоуправления, получающим от этого механизма мандат на профессионально-управленческое обслуживание общества.

Профессиональное социальное управление любого уровня, поскольку оно осуществляется людьми, может быть компетентным или малоком-

петентным, но оно не должно ущемлять права гражданского общества как системы социального самоуправления. Более того, профессиональное социальное управление обязано всемерно укреплять институты гражданского общества (социального самоуправления), выполняя фундаментальное требование общественной системы – охраны ее статистического порядка. В этом смысле социальное управление обязано быть «умнее» массового общественного сознания, мало задумывающегося о безусловном общественном благе гражданского общества.

В связи с этим возникает вопрос об основаниях социального управления – о базовой детерминации управленческих решений, принимаемых на любом уровне, будь то уровень государства или отдельной организации какого угодно профиля. Еще Платон и Аристотель говорили о трех возможных базовых устройствах общества как основаниях социального управления – монархическом, олигархическом и демократическом. И уже само «взвешивание» ими этих оснований свидетельствовало о том, что античные философы «нащупали» идею социального детерминизма, механизм которого обязан выбору системы общественного устройства. Естественно, Платон и Аристотель не имели никакого понятия об общей теории систем, соответствующей теории управления и не знали, что общество представляет статистическую систему. Поэтому институциональную демократию они и не могли выделять в качестве императивного общественного устройства – как институциональной системы, наиболее адекватной фундаментальному для общества статистическому порядку. Однако они, пусть и невольно, но сформулировали сам принцип социального детерминизма: фундаментальным основанием всей общественной жизни, в том числе социального управления, является та или иная (монархическая, олигархическая или демократическая) институциональная система общества. Уточнение «та или иная» – очень важное, оно указывает на выбор институциональной системы, т. е. общественный договор об основаниях социальной жизни, в том числе социального управления.

Между тем с позиций подхода к обществу как статистической системе договорный характер оснований общественной жизни – не догадка, а прямой вывод из констатации того, что общество представляет статистическую систему. Действительно, люди, поскольку наделены родовым качеством свободы воли, должны договариваться об основаниях своего совместного (общественного) существования и договариваться они могут только о демократических основаниях. Любые иные основания есть подчинение воли одних людей воле других, деление общества на управляемых и управляющих. Это отрицает сам принцип общественного договора в результате незаконного (с точки зрения требований статистической системы) захвата власти в обществе одними людьми для властвования над другими людьми. И никуда не деться от признания, что монархические или оли-

гархические основания общественной жизни, пусть и освященные именем государственного управления, – это именно незаконный захват власти одними людьми для властвования над другими людьми.

Показательно, что историческая эволюция оснований общественной жизни происходила в мире однозначно от монархических оснований к демократическим основаниям с четким историческим переломом в европейском Новом времени, когда начиная с этого периода демократия становится устойчиво набирающей силу мировой общественной парадигмой. Возникновение и устойчивое развитие мировой демократической парадигмы, которую называют либеральной (а в настоящее время – неолиберальной) общественной парадигмой, имеет, как нам представляется, фундаментальную логику поиска институтом социального управления своей легитимности в обществе, которой можно добиться лишь через договор с обществом, являющийся «последним основанием» социальной законности. Так, государственное законодательство становится легитимным, если только соблюдается демократическая (общественного договора) процедура этого законодательства.

Демократические (общественного договора) процедуры, выполняя функцию легитимации института социального управления, тем самым выполняют важнейшую функцию поддержания справедливости в обществе. Понятие социальной справедливости – ключевое для человека, и он собственным «родовым чутьем» хорошо ощущает фундаментальную несправедливость своей роли «управляемого», отведенной ему управлением, которое не видит никакой необходимости договариваться с обществом. Общество, отставленное от участия в управлении, не может не чувствовать (тем же «родовым чутьем») себя оскорбленным со стороны такого управления и не может не чувствовать незаконности управления, которое само, без участия общества, определяет основания общественной жизни. Подобное, вне общественного договора, определение оснований незаконно и потому несправедливо, и общество на протяжении всей своей цивилизованной («под государством») истории транслирует свои послания надежды на социальную законность и социальную справедливость, например, в виде фольклорных, литературных или реальных «Робин Гудов». Следует понимать, что «Робин Гуд» – это не классовая мечта «пролетарской» революции. Это мечта о справедливых, демократических основаниях общественной жизни, вовлечении управления в общественный договор, сломе фундаментально несправедливого (незаконного) общественного порядка, воспроизводящего четкое разделение на управляющих и управляемых.

Однако несовершенны и демократические основания общества – именно потому, что специализированный институт социального управления

(государственное управление и управление в организациях любого вида) не исчезает, и демократия все равно остается, пусть с «мягкой», но проблемой противостояния между управлением и самоуправлением. В демократии все равно сохраняется, пусть и не чрезвычайная, но актуальность «Робин Гуда». Это и объясняет, почему К.Маркс выступил «Робин Гудом» в своей теории социального развития. Он жил в условиях демократии периода «дикого капитализма» – коррупционного сращивания монополизированного крупного капитала с государственным управлением при отсутствии профсоюзов и того, что сегодня называется «социальным государством». Недаром К. Маркс разработал ключевое в своей теории понятие «отчуждение», видя реальную картину отчуждения человека труда от благ, которые его трудом производятся и которые присваиваются рантье – теми, кто блага не производит, но кто управляет производством благ. Это и есть выявленная К.Марксом узаконенная государством ситуация «кастового» разделения на имеющих все права управляющих и бесправных (отчужденных от управления) управляемых. И К. Маркс делает вывод в духе не просто «Робин Гуда», но радикального «Робин Гуда». Он считает «неисправимым» сам институт государства, который всегда будет рантье, всегда будет стоять на страже фундаментально несправедливого разделения общества на управляющих и управляемых. Следовательно, полагает К. Маркс, справедливое общество, где «люди труда» не отчуждены от благ, которые сами производят, должно быть обществом полного самоуправления, без государства – института управленцев-рантье.

Проект К. Маркса «справедливого общества» – утопия. Однако К.Маркс точно усмотрел «вечный» и фундаментальный фактор социальной напряженности – управление, которое «не хочет» быть стороной общественного договора, а «хочет» управлять людьми. Демократия сильно умеряет властные амбиции управленцев, но не сводит их к нулю, поскольку сохраняет мощный аппарат управления в виде государственной бюрократии, которая уже в силу своего общественного положения воспроизводит дихотомию управляющих/управляемых. М. Вебер всерьез рассматривал угрозу захвата государственной бюрократией власти в демократически устроенном обществе и для предотвращения этой угрозы предлагал даже особую технологию демократии – плебисцитарную демократию. Суть плебисцитарной демократии – в отделении аппарата управления (государственной бюрократии) от функции управления, вмененной политическому управлению, которое должны представлять наиболее уважаемые в обществе люди, избираемые в верховную власть путем плебисцита (отсюда и само понятие «плебисцитарная демократия»). По логике М. Вебера, «наиболее уважаемые в обществе люди», получившие от общества мандат на политическое

управление, во-первых, будут, избранные путем плебисцита, абсолютно легитимными управленцами, а во-вторых, станут в силу своих моральных качеств эффективным препятствием для коррупционного перерождения системы социального управления, поскольку такое перерождение всегда идет «сверху».

Рецепт М. Вебера по коррекции демократической технологии легко назвать утопическим – благодаря предложению «избирать в верховную власть наиболее уважаемых в обществе людей путем плебисцита». Можно возразить, что подобный механизм избрания верховной власти содержит ту же статистическую неопределенность в отношении выдвижения и избрания действительно «уважаемых в обществе людей», что и механизм обычных демократических выборов. Все это верно, однако модель «плебисцитарной демократии» заслуживает внимания из-за доказанного исследователями серьезного изъяна обычной демократической модели. Изъян заключается в том, что в обычных демократических выборах происходит даже не просто случайный, но, как правило, отрицательный отбор во власть, куда попадают люди, как правило, невысоких моральных качеств. Почему так происходит? Потому что на вполне демократических выборах хотят избираться не «уважаемые в обществе люди», а те, кто хочет получить власть, что не очень-то нормально для морально здорового человека и должно настораживать общество. Общество же не настораживается, обманываемое гражданственным пафосом речей соискателей власти. Положение спасают сами демократические институты, ставящие «любителей власти» под контроль общества, но неспособные препятствовать отрицательному отбору во власть и, следовательно, превращению государственной бюрократии в «класс управленцев», для которых остальное общество – управляемые.

Собственно, М. Вебер и указал на единственную возможность воспрепятствования в демократии отрицательному отбору во власть – выдвижение в верховную власть «уважаемых в обществе людей» и узаконивание их управленческих полномочий путем плебисцита. Создать подобный институт вполне реально. Общество всегда знает своих достойных публичных людей, которые не только не предлагают себя в «спасители нации», но их еще надо и уговаривать войти во власть, что и является для кандидатов тестом на их мораль. Другое дело, что на подобное реформирование демократии никогда не пойдет существующая система управления, поскольку она представлена людьми, попадающими во власть по механизму отрицательного отбора, – людьми с властными амбициями, и они окажутся «за бортом», если будет введен механизм «плебисцитарной демократии».

Между тем мировое общественное развитие, вошедшее с 80-х гг. в парадигму формирования информационного общества вследствие появления компьютерных информационно-коммуникационных технологий, показало, что для требуемой коррекции демократических оснований общественного устройства не обязательно введение «плебисцитарной демократии». Дело в том, что компьютерные информационно-коммуникационные технологии, освободив индивидуальную коммуникацию (притом, придав ей глобальный характер и тем самым вызвав рост субъектного начала общества), выступили прямым фактором развития гражданского общества. И этот стихийный процесс роста общественного самосознания – осознания обществом, что оно гражданское общество, субъект, а не объект управления, является гораздо более сильным принуждением к реформированию существующей демократической технологии управления, чем убедительные доводы М.Вебера в пользу введения «плебисцитарной демократии». Действительно, зачем нужна «плебисцитарная демократия», если гражданское общество и без нее обретает в рамках формирования информационного общества силу принуждения официального управления к новому общественному договору, существенно снижающему возможности государственной бюрократии удовлетворять свои властные амбиции? О том, что мировое общество вошло с 80-х гг. в «тектонический» процесс формирования новой демократии, свидетельствует видный теоретик в области управления П. Дракер. Он назвал связанные с компьютерными информационно-коммуникационными технологиями социальные перемены управленческой революцией и определил ее суть как отказ от принципа управления людьми. Принцип управления людьми – традиционный принцип поведения государственной бюрократии, которая при любых основаниях общественного устройства (монархических, олигархических, демократических) стремится этот принцип своей власти над обществом всячески охранять, выступая естественным противником гражданского общества. Таким образом, П.Дракер, удостоверяя факт управленческой революции, констатировал мощное давление гражданского общества на всю бюрократическую систему (от государственной бюрократии до бюрократии в организациях любого вида). До формирования информационного общества такого давления не было даже в демократиях – давления, де-факто вынудившего социальное управление к перестройке, по П. Дракеру, на принципы «управления знанием».

И не столь важна расшифровка словосочетания «управление знанием», сколько важно то, что речь идет об управлении, которое не есть управление людьми. П. Дракер фиксирует усиление фактора гражданского общества в социально-экономическом развитии – усиление договорных начал в общественной жизни. А это тенденция, которая только укрепляет легитим-

ность официального управления, и в его стратегических интересах (если, конечно, управление не коррупционно) идти на новый, расширяющий права гражданского общества, общественный договор. Фактическое вхождение современного мирового социально-экономического развития в координаты нового общественного договора удостоверяется тем, что, во всяком случае в развитых странах, система официального управления подвергается реформированию. При этом официально декларируется, что реформа управления призвана перевести государственно-бюрократическую систему на базу передовых (компьютерных) информационно-коммуникационных технологий с тем, чтобы система обрела устойчивую обратную связь с обществом и повысила свою эффективность именно как система оказания услуг обществу. И не нужны никакие институциональные нововведения вроде «плебисцитарной демократии» и тому подобного. Нужно просто укреплять институты гражданского общества, институты общественного договора, поскольку лишь они обеспечивают официальному управлению безусловную законность, стратегически гарантируют от его коррупционного перерождения и являются стражами социальной справедливости.

О том, что именно глобализация, обязанная компьютерным информационно-коммуникационным технологиям, активизировала гражданское общество и сделала его ведущим фактором «давления» на мировое общественное развитие, в том числе на социальное управление, вынужденное меняться по «лекалам» гражданского общества, свидетельствуют современные социологические исследования. Так, в некоторых из них обосновывается тезис, что глобализация выстраивает не что иное, как «глобальное гражданское общество»[1].

Формирование «глобального гражданского общества» – это уже открытая ориентация официального управления на институты общественного договора, отказ официального управления от длительной исторической практики выдачи гражданскому обществу «разрешительного» мандата и осознание управлением необходимости своего встраивания в институты общественного договора. Социологи эмпирически обнаруживают соответствующую тенденцию, демонстрируя тем самым, что «глобальное гражданское общество» – не досужая мечта. В частности, канадский социолог Д. Маттен, анализируя книгу Р. Райха «Суперкапитализм: трансформация

[1] *Keane, J.* Global civil society? – Cambridge: Cambridge university press, 2003; *Baber, Z.* A name for a stray dog – global civil society // International sociology: Journal of the international sociological association. – London, 2008. – Vol. 23. – № 2. – P.237; *Kaldor,M.* Global civil society: An answer to war. – Cambridge: Polity press, 2003; *Harvey, D.* Spaces of global capitalism: Towards a theory of uneven geographical development. – London; New-York: Verso, 2006.

бизнеса, демократии и повседневной жизни»[1] и книгу Н. Кляйна «Шоковая доктрина: формирование бедственного капитализма»[2], отмечает, что в обеих книгах констатируется тенденция настоящего времени, связанная с ростом политической (гражданственной) активности таких представителей экономического гражданского общества (рынка), как корпорации. Авторы этих книг считают данную тенденцию «приватизации» социальной (гражданской) ответственности (лишения государственного управления монополии на политику) «бедственной», формирующей то, что они называют «суперкапитализмом» в смысле наступления еще большей социальной несправедливости даже по сравнению с «капитализмом», по К. Марксу (Р.Райх) и «бедственным капитализмом» (Н. Кляйн)[3].

Обе книги, делающие своим главным предметом рост политической (социальной) активности корпоративного бизнеса в современном обществе, пишет Д. Маттен, весьма полезны как попытки осмыслить действительные изменения, происходящие в мировой социально-экономической системе. Такое осмысление независимо от мировоззренческих позиций исследователей важно для формирования науки социального развития и социального управления, огромный дефицит которой в настоящее время никак не помогает и без того проблемному и малопонятному общественному развитию. Также и другие социологи фиксируют приметы формирования глобального гражданского общества, в частности, по такой новой тенденции, как рост влияния неправительственных организаций (а они – статусные представители гражданского общества) в механизме мирового социально-экономического развития[4].

Фиксируемая социологами современная, связанная с глобализацией, тенденция встраивания института социального управления в институты общественного договора не изобретает ничего нового, но лишь свидетельствует, что пришло время общественному договору открыто заявить о себе в качестве фундаментального основания любых законных (справедливых, должных) социальных институтов, в том числе института социального управления. Нюанс состоит в том, что социальное управление – заведомо должный институт, поскольку является заведомым атри-

---

[1] *Reich, R.* Supercapitalism: The transformation of business, democracy and everyday life. – New-York: Alfred A. Knopf, 2007.

[2] *Klein, N.* The shock doctrine: The rise of disaster capitalism. – Toronto: Alfred A. Knopf, 2007.

[3] См.: *Matten, D.* It's the politics, stupid! Reflections on the role of business in contemporary nonfiction // Business & Society. – 2009. – Vol. 48.– № 4. – P. 565 – 576. DOI: 10.1177/0007650309337123; http://bas.sagepub.com/cgi/content/abstract/48/4/565

[4] *Dahan, N., Doh, J., Teegen, H.* Role of nongovernmental organizations in the business – government – society interface // Business & Society. – 2009. – Vol. 20.– № 10. – P.1–14. DOI: 10.1177/0007650309350141; http://bas.sagepub.com

бутом общественной системы, без которого она не существует. Однако это не дает социальному управлению права выхода из общественного договора. Такой выход (в монархических, олигархических общественных системах) незамедлительно делает социальное управление незаконным просто потому, что оно не получило мандат общества на управление.

Таким образом, институт общественного договора абсолютно фундаментален в обществе. Он является основанием всех легитимных социальных механизмов, в том числе механизма социального управления. И это связывает проблему социального управления с проблемой социального детерминизма, который и представляет социальный механизм, запускаемый основанием общественного договора. Признание, что общественная жизнь имеет договорные основания, означает существование разных общественных парадигм, в том числе парадигм социального управления, поскольку общественный договор – «переменная величина» по условиям его осуществления. Условия для него могут быть плохими (слабое гражданское общество) или хорошими (влиятельное гражданское общество), но «матрицу» договорных оснований общественной жизни всегда составляет договор между социальным управлением и гражданским обществом. Этого «матричного» договора может и не быть (в монархических, олигархических общественных системах), и тогда фундаментальные для общества договорные механизмы оказываются в «подполье», что ведет к накапливанию потенциала социального взрыва такой системы, грубо искажающей фундаментальный механизм социального детерминизма. Собственно, все социальные революции происходили и будут происходить по формуле К. Маркса – из-за попрания официальным управлением договорных оснований общества (по К. Марксу, – несоответствия уровня управления уровню «сил» общества).

Список литературы

Афанасьев, В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат. 1980.

Социальная информация и управление обществом. – М.: Политиздат. 1975.

Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. – М. 1997.

© Орланов Г.Б., 2010